

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата исторических наук Т. Б. Щепанской
на диссертацию Станислава Сергеевича Петряшина
«Практики ориентации во времени суток по небесным светилам в русской сельской культуре
(кон. XIX – XXI вв.)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.07 этнография, этнология и антропология

Диссертация С.С. Петряшина представляет собою по-настоящему фундаментальный труд, восполняющий значимую лакуну в русскоязычной, а в некоторых аспектах и общей системе знаний в области антропологии времени. Впечатляющий объем научной литературы, привлеченный эмпирический материал и творческий подход к его теоретическому осмыслению стали основой для весьма стройной и операциональной теоретической модели – типологии практик ориентирования во времени, которую он выносит на защиту. Актуальность работы не вызывает сомнения – это фактически первый опыт столь глубокой и разносторонней проработки темы темпоральности в специально посвященном ей этнографическом труде на материалах русской крестьянской культуры. Огромный массив обобщаемых эмпирических данных в сочетании с собственными полевыми материалами и ярко выраженной теоретической направленностью работы создает плодородную почву и пространство (фактически обозначает направление) для будущих исследований.

Это серьезный труд, и у меня возникло несколько вопросов, требующих прояснения, в основном из области терминологии.

Что побудило автора разделить представленные концепции на «отечественные» и «иностранные»? Они никак не пересекались по своему содержанию, и труды русскоязычных авторов невозможно рассматривать в рамках общих концептуальных подходов с иноязычными? «В зарубежных антропологических и отечественных этнографических исследованиях времени», - пишет автор на с. 10. Все зарубежные работы автор считает антропологическими, а все отечественные (имеются в виду русскоязычные?) – этнографическими? Хотелось бы прояснить, по какому принципу: по самоназванию или по глубине теоретической разработки темы (считая «отечественные» работы целиком эмпирическими, в отличие от зарубежных)? Как проводится само разделение на «отечественные» (может быть, имеются в виду русскоязычные?) и «зарубежные» труды, если в рассматриваемый период рубеж этот неоднократно менялся? Делая обзор «зарубежных» и «отечественных» научных подходов, с какими из них Вы идентифицируете свой? К этим вопросам примыкает вопрос по поводу периодизации: «В дореволюционной отечественной этнографии...» (с. 21) – звучит двусмыс-

ленно; где автор проводит границу: опираясь на события трансформации в начале XX или XXI в.? Используемые формулировки создают впечатление, что автор опирается на дискурсивные фигуры, принятые в этнографии советского периода, после завершения которого изменились границы стран и идентичностей, карта научных школ, так что многие термины, принятые в этнографическом дискурсе советского периода утрачивают однозначность, становятся нечеткими или непонятными. Хотелось бы заметить, что все эти вопросы связаны с формулировками, строго говоря, побочными по отношению к центральной теме исследования, и указывают на некоторую инерцию в использовании терминов, характерную отнюдь не только для С.С. Петряшина, критика понятий в этой области назрела, думаю, для русскоязычной антропологической литературы в целом.

Научная достоверность и обоснованность исследования обеспечены использованием большого массива разнообразных источников, сопоставление которых является важным достоинством представленной работы. Во-первых, это большой массив данных из материалов Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, а также извлеченных из многочисленных публикаций, где тема темпоральности затрагивается в связи с другими вопросами. Это позволяет охватить большой исторический период – фактически в поле зрения исследователя оказывается весь период с конца XIX по начало XXI в. Во-вторых, С.С. Петряшин довольно подробно проанализировал материалы картотек по диалектологии (Астронимической картотеки Топонимической экспедиции Уральского Федерального Университета и картотеки Словаря русских народных говоров), выявив там 262 текста, релевантных теме исследования. Этот источник дал массовый материал об обращении к созвездиям ночного неба в качестве ориентиров при определении времени. В-третьих, в работе обильно представлены полевые материалы, собранные самим автором – они дают полезный материал для интерпретации прочих данных. Фрагменты из полевых записей и материалов диалектологических картотек, содержащие конкретные эпизоды определения времени, позволяют сочетать строгие положения абстрактной теоретической модели с яркими иллюстрациями, снабжая читателя дополнительной пищей для размышлений (а иногда и основанием для дискуссии).

В качестве положительной черты диссертации С.С. Петряшина следует отметить также сочетание методов социальных наук с естественнонаучными: так, автор использует программы электронных планетариев для астрономической реконструкции календарных ограничений 68 текстов, в которых были отражены практики ориентации по созвездиям ночного неба (Большой Медведице – 38 текстов, Плеядам – 8 и 22 по Поясу Ориона). Благодаря этому С.С. Петряшин высказал обоснованное заключение относительно ограничений доступности этих ориентиров определенными периодами в течение календарного года. Достоинством работы является также перекрестная проверка полученных результатов. Так, достоверность

высказанного заключения автор подкрепляет дополнительной оценкой периода использования тех же ориентиров (созвездий) другими методами: «Результат реконструкции будет выглядеть более достоверным, если найдет независимое подтверждение, - совершенно справедливо отмечает С.С. Петряшин. – В качестве такого «проверочного» материала будут использованы ориентационные правила, включающие в себя указание на ту или иную сезонную работу, которая позволяет получить примерное представление о времени функциональности» (С.107). Далее, сопоставляя данные о функциональности правил определения времени по созвездиям с данными о периоде их видимости на ночном небе, автор делает уже итоговое заключение о распределении ориентационных практик в течение календарного года. Это важная инновация, выносимая на защиту, и достоверность ее после проделанной работы представляется высокой.

Автор видит некоторую ограниченность имеющихся данных, отмечая противоречие между заявленной теоретической концепцией (практик) и характером данных в основном массиве источников: «Изучение практик в идеале базируется на материалах наблюдения, а не интервьюирования. Этот тезис основывается на принципиальном различии “того, что делают” и “того, что говорят”, практики и нарратива. Практики ориентации во времени по небесным светилам, однако, сложно наблюдать...» (с. 11). Надо сказать, наблюдение вообще непростая методика. Но хотелось бы заметить, что в данном случае имеет значение ретроспективный характер многих построений автора – соответственно, исключающий личное наблюдение; в этом случае доступны только писания практик и другие их индикаторы (например, вещественные). Так что в данном случае самокритика автора представляется излишней: он корректно использует доступные источники, прибегает к триангуляции через их сопоставление, а в тех случаях, когда источники не могут обеспечить нужных сведений в полном объеме, так об этом и пишет, оставляя свои заключения в статусе предположений. Отмечу, что те полевые материалы, которые собрал автор, уже создают хорошую базу для интерпретации нарративов – как основы для реконструкции запечатленных в них практик.

Некоторые предположения автора, высказанные относительно характера нарративов о времени, однако, вызывают недоумение. «Эти практики никогда не были в фокусе идеологического или социального контроля» (с. 12), - пишет С.С. Петряшин в начале работы. Но не являлась ли сама концепция времени и связанная с нею система представлений и практик системой координации - а следовательно, контроля деятельности? Т.А. Бернштам¹ писала о церковной системе контроля и упорядочивания времени. Ориентацию по церковным колоко-

¹ Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX — начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения / Под ред. А.К. Байбурина. Л., 1985. С. 120–153.

лам упоминает и сам автор (с. 97-98), он же пишет в конце работы об административном контроле времени в колхозный период (колокола и другие средства координации коллективных работ при помощи звуковых сигналов). Упоминается в работе и понятие «темпоральная дисциплина» (с. 19). Так что заявление об исключенности темпоральных практик из сферы контроля представляется противоречащим данным, приводимым в литературе, да и самим С.С. Петряшиным.

Одним из ключевых достижений автора, представленных в диссертации и выносимых на защиту, следует признать разработанную им типологию практик ориентирования во времени по небесным светилам – солнцу и созвездиям. Типология многоуровневая, подробно разработанная, убедительно обоснованная эмпирическим материалом и теоретическими соображениями. Думаю, что эта типология сыграет значимую роль в наших представлениях о темпоральности в изучаемой культуре, а также в развитии сравнительных межкультурных исследований. Это весьма перспективный исследовательский инструмент, появление которого следует рассматривать как важный вклад в наше понимание антропологии времени.

Вместе с тем, как любое крупное теоретическое обобщение, предложенная автором типология, а еще более – лежащая в ее основе теоретическая модель – вызывает ряд вопросов (полагаю, была бы уместной широкая дискуссия на страницах этнографического журнала).

Проводя типологию практик ориентации во времени, автор сосредоточил внимание на природных маркерах-ориентирах в определении времени (ключевыми классификаторами поставив ориентацию по светилам). А социальные (такие, как звук пастушьей палки, рожка, удары обходчика деревни, церковные колокола и т.п. – некоторые фигурируют в его обзоре: см. с. 90-91) оставляет за скобками по теоретическим соображениям? Но тогда почему некоторые из таких – социальных – маркеров (удары в колокол как колхозные сигналы к работе) все же принимаются в расчет, когда речь заходит об анализе модернизации советского периода? В начале работы автор отмечал, цитируя В.А. Дмитриева (2010): ««Практические действия народной метрологии в хронометрии выражаются в готовности следовать природным циклам времени и оценивать длительность одних явлений длительностью других» (с.29-30) – т.е. совмещение природных и социальных маркеров времени не вызывало тогда у автора возражений? Надо отдать должное – автор проводит весьма информативный обзор крестьянских практик ориентации во времени не только по светилам, но и по поведению и состоянию животных, по состоянию и ощущениям тела человека, по ритмам устойчивых практик (в том числе пастушеских), заводским гудкам и др. Однако сам соответствующий параграф озаглавлен «3.1.2. Небесные светила и другие темпоральные ориентиры» - т.е. все богатство ориентиров попадает в группу «другие», мало теоретизируется и не оказывает влияния на

типологическую модель. Впрочем, в данном случае – при построении типологической схемы – можно признать обоснованность стремления С.С. Петряшина к высокой степени абстрагирования, благодаря чему предлагаемая им типология сохраняет логическую выверенность, стройность и как результат – применимость к более широкому кругу темпоральных практик, чем если бы эта система учитывала множество мелких вариаций.

Еще ряд вопросов хотелось бы задать для лучшего понимания позиции автора относительно понимания ключевого понятия времени. «Исследование предлагает общую модель практики ориентации во времени суток по небесным светилам как инструмент исторического, структурного и функционального анализа изучаемых практик», – заявляет автор в начале работы (с.16). «“Измерительным стандартом” или *референциальным ритмом* в изучаемых практиках, – пишет С.С. Петряшин, – выступают ритмы движения небесных светил. *Определяемым ритмом* всегда являются некоторые действия, бытовые дела, рабочие операции, своевременное осуществление которых и является непосредственной целью практик ориентации во времени» (с. 57-58). Хотелось бы уточнить, что автор понимает под «своевременностью» осуществления значимых (социально) действий? Означает ли это, что он опирается на теоретическую модель относительного времени? Этнографы и лингвисты² – обращали внимание на то, что в крестьянском быту значимым понятием было не только время в его современном абстрактном понимании, но также «пора» (и синонимичные), тяготеющие скорее к понятию «своевременность» (того или иного дела), обозначавшие представления об относительном, а не абсолютном времени, и во многих примерах, приводимых С.С. Петряшиным, видно, что определяли скорее относительное время – пора вставать, кормить скотину, выходить на работу и т.п. В рамках же типологии (да и в формулировках вопросов к информантам, насколько они доступны в тексте диссертации) – автор, как кажется, стремится преобразовать эти относительные определения в абсолютное: свести множество относительных определений к указанию на время как таковое, в максимально абстрактном его выражении. Не слишком ли европо- и модерно-центрична такая оптика? Отчасти, впрочем, указанное противоречие снимается рассуждениями С.С. Петряшина об индикации и измерении как двух порядках ориентации во времени.

Слабым местом представляется следующее теоретическое предположение. С одной стороны, автор совершенно справедливо отмечает: «В действительности об одном и том же положении небесного светила и соответствующем моменте времени можно сказать различными способами, например: Кичиги “высоко” / “на юге” / “над домом Ивановых” – значит

² Бернштам Т.А. Указ.соч.; Федоров М.А. Крестьянское понимание времени: репрезентация концепта «время» в словаре В. И. Даля // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филология. 2014. Май №3. С.55-58.

“скоро заря” / “шесть часов” / “пора вставать молотить”. Возможно ли, что на практике положение светила определяется последовательно при помощи целого ряда пространственных медиаторов, а в речи озвучивается только один?» Но далее он делает заключение, основания которого не совсем понятны: «Это представляется возможным в отдельных случаях, но маловероятным, так как речевой экономии на словах часто сопутствует когнитивная экономия на избыточных ментальных операциях» (с. 61). Почему же маловероятным? Ведь автор приводит множество ярких примеров соотнесения и ритмов небесных светил, и бытовых действий с самыми разными явлениями. Но, принимая гипотезу когнитивной экономии, игнорирует их на уровне теоретической схемы, в итоге сводя референциальные системы отсчета почти полностью к небесным ориентирам (иногда через систему иерархического опосредования). О чьей же когнитивной экономии идет речь: носителей исследуемой культуры (которые как раз демонстрируют богатый диапазон средств референции и медиации) - или самого автора? Здесь тот случай, когда выбор степени абстрагирования определяет возможности объяснительной модели (слишком высокая степень абстракции ведет к игнорированию многообразия реальности и отказ от возможности его объяснить).

После информативного обзора многочисленных вариантов ориентиров автор делает заключение: «Можно сделать вывод, что среди практик ориентации во времени русских крестьян была иерархия. Днем главным образом определяли время по солнцу, а физиологические ощущения, животные и другие ориентиры были скорее вспомогательными знаками времени» (с. 98). Идет ли речь об иерархическом соподчинении в восприятии крестьян (во многих приведенных примерах на это ничто не указывает – просто приводятся примеры разных ориентиров) – или это иерархия в рамках теоретической модели автора (где во главу угла ставится ориентирование по светилам, а прочие ориентиры с большей или меньшей степенью обоснованности включаются в маркированные ими классы)?

Отметим, что в итоге автор охватывает на уровне обзора практически весь диапазон известных на настоящий момент практик ориентации во времени. Однако, многие из них исключаются из теоретизирования посредством формул, приписывающим им «редкость» (и, следовательно, незначимость), «иерархическую подчиненность» или «нетрадиционность» (изобретенность). Таким образом, заявленная в начале модель ориентации по светилам остается в своей первоначальной чистоте. Типология весьма полезна, стройна и хорошо разработана, и было бы достаточно ввести некоторые ограничения области ее применения, чтобы богатство эмпирических вариантов не воспринималась как угроза теории.

Несомненным теоретическим достижением представляются рассуждения автора по поводу теории традиции, в частности, применение концепции аффорданса – возможностей, заложенных в вещах и реализуемых при возникновении соответствующих ситуаций-

запросов – позволяет ему сделать теоретически видимыми ситуации многократного переизобретения некоторых практик, в дополнение к теории наследования. Надо сказать, что теоретические рассуждения автора вносят значимый вклад в русскоязычную традицию исследований темпоральной культуры и органически включаются в международные дискуссии по этой тематике. К проблемам теории традиции С.С. Петряшин обратился в связи с вопросом, возникшим в ходе эмпирического исследования: описывая ряд ориентационных практик, информанты затруднялись ответить, откуда они их усвоили. В редких случаях это было обучение или подражание. Чаще всего информант полагает, что «сам» заметил (например, длину тени от дома, соответствующую тому или иному времени суток). Первое заключение автора: «Данная практика «изобреталась» людьми самостоятельно, независимо друг от друга» (С.137). Затем он высказывает предположение, что, вероятно, как в наше время, так и в прошлом целый ряд повседневных практик изобретались заново, неоднократно и в разных местах. С.С. Петряшин не считает достаточным ограничиться обычной отсылкой к теоретической схеме соотношения инноваций и традиций, высказанной С.А. Арутюновым, видя некоторый парадокс в том, что «практики, которые «не смотрелись как инновация» и были изначально приняты мной за традицию, оказались все-таки инновацией особого рода – не отрицающей, но и не становящейся традицией» (с.140). Чтобы прояснить теоретическое понимание обнаруженного феномена, С.С. Петряшин обращается к модели передачи традиции, опосредованной предметами (в отличие от личной коммуникации), весьма актуальной в контексте «материального поворота» в современном исследовании общества и культуры – представления социальных практик в терминах рутинизированных взаимодействий объектов и человеческих тел/разумов (А.Реквиц). Опираясь на труды по теории традиции К.В.Чистова и Э.Маркаряна, Петряшин различает существование, трансмиссию и реализацию артефактов, а также роль обозначенного К.В. Чистовым «вещественно-функционального» пути трансляции культурного содержания (с.141). Однако, далее автор ставит вопрос: каким образом это содержание может передаваться через вещь? Рассматривая рассуждения ряда популярных теоретиков, в том числе Б.Латура, Петряшин обращает внимание на недостаточность «технологического» или сценарного подхода к объяснению воспроизводства практик обращения с вещью, замечая, что ориентация во времени не была заложена, скажем, в конструкции или сценариях пользования домом, но систематически возникала снова и снова по мере необходимости. Здесь он и прибегает к теории аффордансов – возможностей, связанных с предметом, но не обязательно реализуемых. Это понятие, разработанное в рамках экологической психологии (Гибсон), в интерпретации Петряшина представляется вполне подходящим применительно к его эмпирическому вызову, позволяя объяснить «переизобретение» практик, не выходя за рамки концепции традиции. Понятие «аффорданс» позволяет различать потенциал

использования вещи и его реализацию как производную от самой вещи, человеческого тела и среды в динамике их отношений (с.148). Подробно разбирая понятие «аффордансов» (отмечая, в частности, их реляционность, различие между привилегированными и прочими возможностями и т.п.) применительно к анализу воспроизводства ориентационных практик, С.С. Петряшин, полагая, вносит значимый вклад в дискуссию по теории традиции, восполняя лауну в вопросе воспроизводства неочевидных (не закреплённых сценарно и технологически) практик. Это понятие может быть применимо и к более широкому кругу вопросов исследования феноменологии и теории традиции.

В диссертации много ярких наблюдений, интересных теоретических рассуждений, побуждающих к размышлению и дискуссии, она демонстрирует исследовательскую целеустремленность и трудоспособность автора, умение классифицировать и ясно излагать эмпирический материал, характеризуя его как сложившегося и весьма перспективного исследователя.

В целом, диссертация С.С. Петряшина по своей научной новизне, актуальности постановки исследовательских проблем, уровню их теоретической разработки, характеру привлекаемых источников, научной достоверности выводов и практическому значению полностью удовлетворяет критериям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым ВАК Минобрнауки России к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор Петряшин Станислав Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 этнография, этнология и антропология.

Официальный оппонент,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела этнографии
восточных славян и народов европейской части России
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3
Тел. (812) 328-08-12 (tshch@kunstkamera.ru)
Татьяна Борисовна Щепанская

